

В мае, на пороге удушливой летней жары, Годжо Хара получил запрос от Главного совета магов. От него требовалось отправиться в командировку в Америку.

И хотя Хара продолжал исподволь подтачивать власть Главного совета, наружу это не просачивалось. Для всех он оставался главой клана Годжо, оплотом традиционных кланов и главным защитником потомственных магов.

Тем временем Гэто Сугуру, вошедший в Главный совет, уверенно примерял на себя роль лидера независимых магов. Его собственная фракция крепла и разрасталась с каждым днем, заставляя заправил совета — тех самых «гнилых мандаринов» — изрядно нервничать.

Изначально Главный совет создавался правительством как противовес влиянию Трех великих семейств. Для этого власти объединили магов-одиночек и представителей угасающих мелких родов. В те годы совет действительно функционировал как государственный орган, оберегающий права простых чародеев и обычных людей.

Но время шло, и победитель дракона сам обратился в чудовище.

Неискоренимая в Японии система преемственности превратила кресла Главного совета в наследственную привилегию. Вчерашние выходцы из низов, возвращенные на дрожжах абсолютной власти, со временем сплотились в новые кланы. Так и родилось нынешнее гнездо «гнилых мандаринов».

Мир магов хорошо усвоил уроки прошлого. Помня, как правительство обычных людей когда-то навязало им реформы и учредило совет, шаманы замкнулись в себе, став предельно консервативными и враждебными к чужакам. Властям безглазых оставили лишь почетное право выделять бюджеты и подписывать бумаги — совать нос в дела магов они больше не смели.

Совет, когда-то задуманный как оплот безродных магов, целиком подпал под власть аристократии. Шаманам первого поколения вроде Гэто Сугуру там дышать не давали. Стоило Сугуру заявить о себе, как под его началом сплотилась мощная оппозиция из таких же гонимых одиночек. В этой силе верхушка Главного совета с ужасом разглядела тени прошлого — призрак того самого бунта, который когда-то привел их предков к власти. Ирония судьбы их не забавляла: они панически боялись оказаться на месте свергнутых.

Только вот раздавить Гэто Сугуру, как они привыкли поступать со слабыми выскочками, не представлялось возможным. Он был магом особого ранга — одним из четырех на всю страну. Цукумо Юки безвылазно сидела за границей и плевать хотела на любые приказы сверху, а Годжо Хара и Годжо Сатору приходились Гэто близкими друзьями еще со времен учебы в колледже. О дружбе Сатору и Сугуру и вовсе слагали легенды.

Отыскать фигуру, способную уравновесить мощь Сугуру, не получалось. Обдумав все варианты, старейшины решили сделать ставку на Годжо Хару. Отношения между ним и Сугуру никогда не казались теплыми — уж точно не чета дружбе Сатору. Да и мог ли Хара, чей маниакальный

синдром старшего брата был притчей во языцех, искренне жаловать парня, узурпировавшего статус «лучшего друга» его обожаемого Сатору-куна? О холодности Хары говорило даже то, что он до сих пор сухо звал одноклассника по фамилии. На фоне взбалмошного и абсолютно неуправляемого Сатору, Хара выглядел идеальным, системным главой клана Годжо, способным отстаивать интересы родовой знати. К тому же эта борьба никак не вредила Сатору. Старейшины были уверены: Хара не откажется.

И Хара действительно согласился. Напуганные напором Гэто Сугуру, «гнилые мандарины» сами приползли просить о помощи, а значит, ради баланса им пришлось поступиться властью в совете в пользу клана Годжо. Разве мог Хара упустить столь щедрый подарок, облегчающий скрытый захват власти? Он разыграл безупречный спектакль, дав понять старейшинам, что Гэто, бессовестно отнимающий время его обожаемого Сатору-куна, давно стоит у него поперек горла. План сработал идеально. В то, что безумный старший брат готов крушить врагов из банальной ревности, поверили сразу и безоговочно.

Этот шаг Хара и Сугуру детально обсудили за кулисами. Гэто прекрасно понимал: не вмешайся Хара, и его фракции независимых магов пришлось бы вести настоящую, жестокую войну на выживание против древних семейств. Сам Сугуру, искренне считавший всех магов братьями по оружию, терпеть не мог это деление на касты. Он, Иэири Сёко, их наставник Яга Масамити — все они вышли из простых людей. Но ведь и среди клановых магов были Хара и Сатору. Подлость не зависела от чистоты крови, как и благородство. Чтобы удержать неизбежный конфликт в жестких рамках, они нашли элегантный выход: Хара возглавит потомственную аристократию, и они с Сугуру разыграют перед советом непримиримую вражду. Ни одна живая душа в совете не могла даже помыслить, что лидеры противоборствующих лагерей действуют как один слаженный механизм.

При встрече без свидетелей Гэто лишь посмеивался:

— Как удачно сложилось, Хара. Ты ведь все четыре года нашей учебы упорно звал меня только по фамилии, подчеркивая дистанцию. Иначе эти гнилые мандарины ни за что бы не поверили в нашу вражду.

Хара лишь тонко улыбнулся в ответ:

— Они бы поверили в любом случае. Стоило мне намекнуть, что я исхожу завистью из-за твоей дружбы с Сатору-куном, как любые сомнения у них мигом бы отпали.

И то была чистая правда. После того как Хара среди бела дня устроил кровавую резню в Главном совете ради безопасности брата, ярлык «неуправляемого безумца» намертво прирос к его имени. В глазах старейшин ради Сатору глава клана Годжо был готов вырезать половину мира, не моргнув и глазом.

Сугуру сощурился, в его взгляде промелькнуло подозрение:

— Погоди-ка, Хара... А ты ведь и впрямь за все эти годы ни разу не назвал меня по имени. Ты

ведь не серьезно ревновал ко мне Сатору?

Хара сохранил абсолютно бесстрастное выражение лица:

— Нет.

— Да неужели? — Сугуру откровенно забавляла эта реакция, слишком уж картинно Хара держал маску.

Хара не выдержал и досадливо цыкнул:

— Ладно, доля ревности присутствовала. Но к неприязни это отношения не имеет. А по фамилии я тебя зову лишь потому, что право называться по имени у меня заслужил лишь Сатору-кун. Для всех остальных существуют фамилии и полные имена.

Обращаться к человеку исключительно по имени — привилегия, созданная Харой только для Сатору-куна. И никого больше.

Гэто мысленно пробежался по их общим знакомым и понял, что Хара действительно никогда не изменял этому правилу. Даже к Иэири он обращался строго по фамилии. Сугуру невольно поморщился, чувствуя, как от подобной приторности сводит челюсть. Поразительный человек. Его фанатичная, почти карикатурная забота о брате умудрялась просачиваться даже в такие микроскопические детали повседневности.

Ослепленные желанием сравнить Хару и Сугуру, старейшины Главного совета даже временно заглушили свой страх перед главой клана Годжо. Они возомнили себя великими стратегами, лавирующими между лидером клановой знати и вождем безродных магов: стоило одной чаше весов пойти вниз, как они тут же подливали туда масла, играя роль нейтральных арбитров. Обидеть Хару при этом они панически боялись — ведь без него некому было сдерживать Сугуру. Дошло до того, что, получив отчаянный запрос о помощи из Америки, Главный совет не посмел направить Харе приказ. Они прислали вежливую, почти умоляющую просьбу, надеясь, что господин Годжо снизойдет до этой командировки.

Сам Хара против полетов за океан ничего не имел, пускай его прошлая поездка в Штаты и была омрачена инцидентом с Сосудом звездной силы — тогда верхушка совета намеренно выслала его из страны, чтобы развязать себе руки.

Едва улеглись страсти вокруг той истории, Хара заподозрил, что за его поспешным отъездом скрывался чей-то злой умысел. Тайное расследование подтвердило худшие догадки: один из высокопоставленных членов совета действительно подстроил его командировку, тайно сговорившись с проклятыми магами. Увы, этот интриган отвечал лишь за устранение Хары с доски и не марал руки раскрытием личности Сосуда. Вытащить его на свет и судить по закону было невозможно — мерзавец легко бы оправдался обычной служебной необходимостью, а улик, связывающих его с наемниками, не хватало.

Хара и впрямь не располагал весомыми доказательствами того, что его выдворение планировалось ради срыва слияния с владыкой Тэнгэном. Но, к счастью, он никогда не страдал глупым идеализмом и не собирался ждать решения суда, чтобы покарать виновного. Хара поступил проще: выделил круглую сумму из личных средств и нанял Фусигуро Тодзи. Тот быстро и без лишнего шума отправил заигравшегося старейшину на тот свет.

Жаль только, что покойный связал себя клятвой с сообщниками, из-за чего выбить из него имена нанимателей не представлялось возможным. Что же до остальных членов совета, то, узнав о гибели коллеги, они лишь гневно пошептались для приличия, после чего с головой ушли в дележ осиротевшего политического наследства. О расследовании причин смерти все мгновенно забыли. Усопший при жизни успел нажить столько врагов и совершить столько подлостей, что копаться в его грязном белье никто не решился. И уж точно никто не связал бы эту смерть с молодым главой клана Годжо.

К тому же Тодзи, напрочь лишенный проклятой энергии, не оставил после себя ни единой крупинки остаточной проклятой энергии. Работа была выполнена безупречно. Даже если у старейшин и закрадывались смутные сомнения, без улики никто не осмеливался озвучивать их вслух. Словом, в той истории с Сосудом Хара вышел абсолютным победителем, подчинив обстоятельства своей воле. Так с чего бы ему питать неприязнь к заграничным поездкам? Он без лишних колебаний принял миссию, рассудив, что заодно сможет лично проверить дела американского филиала концерна Годзё.

Протянув руки, Хара ловко поймал сорвавшегося с крыши ребенка и в то же мгновение активировал технику, растворившись в воздухе.

Они приземлились в глухом, безлюдном переулке. Опустив мальчика на асфальт, Хара смерил его задумчивым взглядом.

— И что же стряслось в твоей короткой жизни, малыш, раз ты решил свести с ней счеты в столь нежном возрасте?

Хара никак не ожидал, что обычный визит вежливости в собственный филиал обернется спасением юного самоубийцы, решившего сигануть с крыши соседнего небоскреба, принадлежащего корпорации Шиндлера. Он просто среагировал на автомате.

Спасенный мальчик ошеломленно моргал, глядя на своего избавителя.

— Я... я встретил ангела? — едва слышно прошептал он.

Хара посмотрел на него сверху вниз. Его бездонные лазурные глаза Шести Глаз оставались холодными и безучастными, словно препарировали душу ребенка насквозь. Но малыш не испугался. Напротив, его бледные щеки тронул лихорадочный румянец.

— М-меня зовут Савада Хироки, — запинаясь, произнес он и с надеждой заглянул Харе в лицо.

— Братик, а как зовут тебя?

— Так ты и есть Савада Хироки? — Хара удивленно приподнял бровь. Имя было ему отлично знакомо.

Прилетев в Америку, Хара без особого труда изгнал проклятого духа полуособого ранга, числившегося в его задании, после чего заглянул в местный офис концерна. Там управляющий незамедлительно завалил его кучей аналитики и сводок о положении дел на американском рынке.

Оказалось, что американский филиал концерна Годзё делал упор на IT-технологии, но их главный конкурент, корпорация Шиндлера, прочно удерживал лидерство благодаря тайному оружию. У главы компании, Томаса Шиндлера, подрастал приемный сын — Савада Хироки, который умудрился поступить в Массачусетский технологический институт в возрасте восьми лет. Этот ребенок обладал столь поразительным, недостижимым для взрослых специалистов талантом к программированию, что филиал Годзё раз за разом проигрывал корпорации Шиндлера тендеры, с трудом удерживая позиции.

Еще полчаса назад, покидая офис, Хара ломал голову над тем, как бы переманить этого гениального мальчишку к себе. И надо же — судьба буквально уронила этого вундеркинда ему в руки. Глядя на бледное лицо несостоявшегося самоубийцы, Хара прекрасно понимал: жизнь под крылом Томаса Шиндлера была для ребенка несладкой.

Решив во что бы то ни стало заполучить юного гения, Хара заметно смягчил тон.

— Томас Шиндлер довел тебя до прыжка с крыши, так что возвращаться к нему ты явно не горишь желанием. Не хочешь пойти со мной?

Хироки рос чистым, не знающим злобы ребенком. В своем спасителе он интуитивно почувствовал надежду на спасение и без лишних расспросов выложил все начистоту. Как выяснилось, мальчик создал революционную систему анализа ДНК, способную с поразительной точностью отслеживать генеалогическое древо. Запустив программу ради пробы, он обнаружил страшную тайну: его отчим, Томас Шиндлер, являлся прямым потомком легендарного лондонского убийцы — Джека-Потрошителя. Панически боясь разоблачения, Шиндлер установил за пасынком жесточайший контроль. Хироки оказался под круглосуточным прицелом объективов, лишенный права на шаг без разрешения, превратившись в бесправного раба, обязанного ковать чужое величие и разрабатывать искусственный интеллект. Психика ребенка не выдержала постоянного давления и тотального дефицита свободы. Единственным выходом ему показалась смерть.

Но теперь, когда перед ним внезапно замаячил шанс вырваться из золотой клетки, цепляться за идею самоубийства Хироки не стал. К смерти он стремился лишь потому, что не видел иного способа обрести свободу.

Поразившись детской наивности, с которой мальчик раскрыл свои самые опасные секреты,

Хара мягко потрепал его по пушистой макушке и негромко рассмеялся:

— Ты так легко доверяешь мне? Не боишься, что я окажусь ничем не лучше Томаса Шиндлера и тоже запру тебя в подвале ради твоих мозгов?

Хироки лишь молча опустил голову, не зная, что ответить.

— Ну же, не вешай нос, — Хара беззаботно махнул рукой. — Я не настолько жалок, чтобы наживаться на страданиях детей. Будешь работать на меня на честных условиях, а я обеспечу тебе безопасность и комфорт. У тебя остался кто-нибудь из близких? Хочу найти тебе нормального опекуна.

Глаза Хироки вспыхнули надеждой. Он робко, затаив дыхание, прошептал:

— Мой... мой родной папа. Он японец...

— Решено. Я найду его, — легко пообещал Хара.

Он привел мальчика в офис филиала концерна Годзё и передал на попечение сияющего от восторга управляющего, после чего немедленно связался с Японией. Клан Годжо получил приказ разыскать биологического отца ребенка — Касимуру Тадааки. Тот и сам был фигурой заметной, талантливым инженером в сфере компьютерных технологий, поэтому поиски заняли от силы пару часов.

Получив известие о сыне, Касимура Тадааки немедленно вылетел в Америку. С юридической мощью концерна Годзё за спиной судебный процесс превратился в чистую формальность. У Томаса Шиндлера не было ни единого шанса отстоять права на опеку. Ему оставалось лишь молча исходить злобой, глядя, как настоящий отец забирает Хироки прямо у него из-под носа.

Разумеется, Шиндлер пытался прибегнуть к грязным методам из арсенала теневого бизнеса, но все его тайные рычаги заклинило намертво. Мало того, что его наемники исчезали без следа, так еще и агенты ФБР нанесли ему личный визит с недвусмысленным предупреждением. Бизнесмену пришлось спешно поджать хвост.

Лишившись своего главного козыря в лице Хироки, корпорация Шиндлера оказалась совершенно бессильна против технологической экспансии концерна Годзё. Наблюдая, как его некогда великая империя стремительно катится к банкротству, Томас Шиндлер напрочь позабыл о страхе перед разоблачением своего сомнительного происхождения — спасти бы то, что осталось от бизнеса.

Хара без возражений позволил Касимуре забрать сына на родину. В знак глубокой признательности Касимура перевелся в одну из ведущих IT-компаний, принадлежащих концерну Годзё, и клятвенно пообещал, что, едва Хироки подрастет, он непременно поступит

на службу к молодому главе клана.

Хара не собирался торопить события: эксплуатировать детский труд не входило в его кодекс чести. Но даже без прямых поручений Хироки умудрился преподнести своему спасителю царский подарок — завершённую модель искусственного интеллекта под кодовым именем «Ноев ковчег», чей темп самообучения превосходил человеческий в пять раз.

Оценив колоссальный потенциал «Ноева ковчега» в виртуальном пространстве, Хара тут же «нанял» виртуального помощника на службу.

Первой задачей ИИ стало создание единого официального портала для мира магов. Отныне вся информация о проклятых духах и распределении миссий должна была проходить через эту платформу. Любой зарегистрированный маг получал личный аккаунт, через который мог брать заказы, отслеживать перемещения проклятых духов в реальном времени и, что самое важное, отправлять экстренный сигнал бедствия в случае смертельной угрозы.

Руководству же сайт позволял контролировать ход выполнения миссий без утомительной бумажной волокиты, которая давно превратилась в сущий кошмар. Хара планировал использовать «Ноев ковчег» для тотальной цифровизации консервативного Мира магов. Это был идеальный способ мягко вытеснить из системы замшелых старейшин, до сих пор впадавших в ступор при виде современных гаджетов.

Раз Харе это требовалось, Хироки с готовностью взялся за дело. Вместе с «Ноевым ковчегом» они в кратчайшие сроки разработали и протестировали платформу. На ближайшем заседании Главного совета Хара официально представил проект перехода на цифровой документооборот.

Как и ожидалось, древние старцы встретили инициативу дружным ропотом. Эти люди до сих пор с подозрением относились к дисковым телефонам, предпочитая общаться почтовыми отправлениями или посылать слуг с устными депешами. В поместьях большинства присутствующих не было даже намека на сотовую связь; они жили в добровольном изгнании из двадцать первого века. Мысль о переходе на виртуальные рельсы казалась им святотатством.

Хара скучающим тоном пресек зарождающийся бунт:

— Даже у отребья на черном рынке давно функционирует свой теневой портал, а мы до сих пор возимся с папирусом. Ваша верность традициям лишь тормозит работу и снижает выживаемость магов на заданиях. Спрошу прямо: вы за или против?

Натолкнувшись на тяжелый, не терпящий возражений взгляд Хары, старейшины затравленно переглянулись и уставились на Гэто Сугуру. Они отчаянно надеялись, что лидер оппозиции выступит против этой затеи из принципа.

Но к величайшему ужасу консерваторов, Гэто Сугуру заговорил совершенно в ином ключе:

— Полностью согласен. Меня уже тошнит от необходимости писать отчеты от руки после каждой вылазки. На дворе какой век? Гораздо проще зафиксировать изгнание проклятого духа на камеру и выгрузить запись на сервер. Процесс наглядный, прозрачный, да и для молодых магов такие видео станут неоценимым учебным пособием. Бумажная волокита изжила себя.

Обыватели на таких записях ничего бы не разглядели, но зрению шаманов открывались отчетливые силуэты и искажения пространства, оставляемые проклятыми духами. Пускай контуры порой выходили смазанными, это было в стократ информативнее любых каллиграфических описаний.

До этого момента верхушка Главного совета наслаждалась ролью сторонних наблюдателей, стравливая Хару и Сугуру и стрижа купоны на их противостоянии. Но стоило двум титанам прийти к согласию, как старейшины с ужасом осознали масштаб собственной ошибки. Они наделили противоборствующие лагеря слишком широкими полномочиями. Объединившись, Хара и Сугуру могли продиктовать совету любую волю, полностью проигнорировав мнение «нейтрального» большинства.

К счастью для старейшин, едва в зале заседаний повисло тягостное предчувствие переворота, как Хара и Сугуру тут же сцепились по поводу того, чье ведомство получит ключи от администрирования портала. Словесная дуэль быстро зашла в тупик, и обоим лидерам волей-неволей пришлось апеллировать к судейству нейтральной стороны. Верхушка совета облегченно выдохнула, вновь обретая почву под ногами. Угроза союза растаяла: аристократы и безродные выскочки никогда не уживутся в одной лодке. А значит, старейшины по-прежнему могут безбедно править, играя на чужих амбициях.

Гнилые мандарины поспешили восстановить баланс сил: права на управление сайтом постановили разделить поровну между двумя фракциями. Сами старейшины, презиравшие сетевые технологии и ничего в них не смыслившие, от претензий на администрирование благоразумно отказались, выторговав взамен куда более понятные им материальные блага. Хара и Сугуру, прекрасно осознававшие, какая колоссальная власть сосредоточится в руках владельца платформы, лишь мысленно усмехнулись. Устроив образцовый скандал, они изящно оттеснили консервативное крыло от реальных рычагов управления будущим информационным пространством.

Впрочем, среди консерваторов нашлись люди проницательные. Директор Киотского магического колледжа Гакуганзи Ёсинобу, один из идеологов старой школы, постучал тростью по полу и веско произнес:

— Платформа не может существовать без надзора. Я требую, чтобы функции контроля за развитием и наполнением сайта были возложены на Киотский и Токийский магические колледжи. Мы обязаны исключить риск того, что этот ресурс станет инструментом для лоббирования чьих-то частных интересов.

Гакуганзи Ёсинобу являл собой весьма любопытный тип консерватора. Назвать его дремучим ретроградом не повернулся бы язык: старик отлично ладил со смартфонами и не чурался благ прогресса. Его консерватизм крылся в другом — он панически боялся реформ, искренне

полагая, что любые перемены ведут к хаосу и разрушению хрупкого мира магов. Не зная, к какому финалу приведет перестройка системы, он предпочитал удерживать ее в мертвой стабильности. Пускай старый порядок несовершенен, зато предсказуем.

Затяжная дуэль Хары и Сугуру виделась ему классической войной между хранителями традиций и радикальными реформаторами. И в этой борьбе Гакуганзи неизменно склонялся на сторону молодого главы клана Годжо. Во-первых, если закрыть глаза на некоторую эксцентричность в вопросах опеки над братом, Хара являл собой образец идеального лидера клана Годжо. Во-вторых, он был чертовски силен. В мире, где стабильность зависела от грубой мощи, присутствие Хары гарантировало безопасность: ни проклятые духи, ни обнаглевшие наемники не смели поднять голову под его надзором.

Из остальных магов особого ранга толку не было вовсе. Цукумо Юки колесила по миру в свое удовольствие и знать не знала про долг перед родиной. Гэто Сугуру так и норовил перевернуть все вверх дном своими опасными идеями. Сатору же рос невыносимым, избалованным до крайности бунтарем. Лишь рассудительный, хладнокровный Хара казался Гакуганзи той самой незыблемой скалой, на которую еще можно было опереться.

Но даже в этой безупречной броне Гакуганзи видел уязвимость — слепую, иррациональную привязанность Хары к брату. Старик всерьез опасался, что Гэто Сугуру, пользуясь статусом лучшего друга Сатору, сумеет через него склонить главу Годжо к уступкам. И тогда реформаторы получат карт-бланш. Оставлять процесс без присмотра было нельзя, а потому две школы магии, сохранявшие относительную независимость от аппарата совета, подходили на роль надзирателей как нельзя лучше.

<http://bllate.org/book/19549/2004355>